

УДК 821.161.1-312.9
ББК 84(2Рос=Рус)6-44
Ч-49

Разработка серийного оформления
Ф. Барбышева, А. Саужова

Иллюстрации на переплете и в тексте
Е. Метлиновой

Чернованова, Валерия Михайловна.

Ч-49   Мой (не)любимый дракон. Оковы для ари /
Валерия Чернованова. — Москва : Эксмо, 2019. —
480 с. : ил.

ISBN 978-5-04-101020-1

Выйти замуж за ледяного дракона? Та еще нервотрепка! За любовь и счастье мне пришлось основательно побороться. Вернуться домой? А вот это оказалось до обидного просто. И теперь все мысли только о том, как отыскать обратную дорогу в Адальфиву.

В мир, где возрождаются древние силы, а заклятый враг моего любимого готовится к Алому турниру. Где судьбы людей определяют жестокие обычаи и обман может стоить алиане жизни. В край сумрака и холодов, где правит дракон, облекший свое сердце в лед.

Но я стану для него весной и верю, что зимняя стужа его жизни сменится долгожданным теплом.

УДК 821.161.1-312.9
ББК 84(2Рос=Рус)6-44

© Чернованова В., 2019

© Оформление.

ООО «Издательство «Эксмо»,
2019

ISBN 978-5-04-101020-1

Глава 1

— Пустая...

— Немыслимо!

— Но как такое вообще возможно?!

— Впервые о подобном слышу! — в унисон твердили старейшины, а поддакивали им слетевшиеся со всех уголков империи в Ледяной Лог лекари.

Скальде раздраженно обернулся. Галдящая толпа замерла, смолкнув на мгновение, но стоило тальдену отвернуться, как жаркие обсуждения возобновились.

Его не желали оставлять в покое. Явились спозаранку всем скопом, чтобы озвучить вердикт магов, а после потащились следом по только начавшему просыпаться замку к покоям будущей императрицы.

Как выяснилось после ритуальной проверки — пустышки.

Редкие, не погасшие к утру факелы робкими бликами вплетались в полумрак лестниц и залов. Несмотря на то что весна была в разгаре, по утрам в замке привычно царили холод и сумрак.

Точно так же сумрачно в последнее время было на душе у Скальде. Мало было нападения на Фьярру.. И вот, новая неприятность. Хотя неприятность — это мягко сказано! Жена не носила в себе его силу. Силу, которую он передал ей несколько недель назад. Куда могло исчезнуть наследие предков — оставалось толь-

ко гадать. Родовая магия больше не истязала разум кошмарами, и Скальде не раздирало желание выплеснуть из себя избыток силы, похоронить под толщей льда целые города.

Магия в его крови стихла в ночь, когда он разделил бремя проклятия со своей половиной.

Тагры побери, пустышкой!

Тальден отказывался себе в этом признаться, но в последнее время он видел Фьярру именно такой. Чужой. Другой. Совершенно на себя не похожей.

Пустой.

Ледяной ускорил шаг, мечтая как можно скорее избавиться от роя жужжащих над ухом советников и оказаться рядом с ней. Стоило на миг прикрыть глаза, как воспоминания накатывали удушливой волной: слезы, застывшие на болезненно бледных щеках; губа, закушенная в попытке сдержать готовый вырваться наружу крик; потухшие, неживые глаза. Безвольно опущенные руки. Как у поломанной куклы.

Наверное, никогда не сумеет стереть из памяти образ такой Фьярры. Никогда не простит себя за то, что в то утро его не было рядом.

Идя наперекор древнему обычаю, он навещал ее несколько раз. Это были короткие встречи в присутствии придворных дам — надзирательниц, одним своим видом выводящих его из себя. Каждый раз, открывая двери в покои ари, Скальде надеялся увидеть ту, прежнюю Фьярру. Хотя бы тень улыбки на нежных губах. Блеск ясных глаз, которого ему так не хватало.

Но девушка была подавлена, все время молчала и, кажется, снова его боялась. Она не желала признаваться, что же произошло наутро после свадьбы в треклятой спальне!

Ворвавшись в которую, вместо счастливой новобрачной тальден обнаружил смертельно напуганную, дрожа-

щую алиану. Оттолкнувшую его, когда попытался обнять. А потом, когда все же обнял, разрыдавшуюся у него на руках.

И вот спустя столько времени она продолжала засыпать в слезах. Но делиться своими страхами Фьярра по-прежнему отказывалась, и магам оставалось только теряться в догадках. Мощный выплеск силы — вот что они ощутили, разорвав наброшенную на комнату паутину чар. Чар, протравивших зловонием каждый вековой камень. Скальде чувствовал исходящий от стен смрад даже на расстоянии.

В тот же день во все уголки Сумеречной империи были отправлены гонцы, возвратившиеся в столицу с лучшими магами-целителями. Ее лучезарность переселили в другое крыло замка, на которое наложили самые мощные охранные заклинания.

Под чутким надзором врачей-целителей, окруженная любовью сестер и неустанной заботой служанок, Фьярра должна была постепенно стать прежней. Но она, словно цветок, пересаженный неумелым садовником, увядала и с каждым днем все больше походила на ту пугливую лань, которую он когда-то повстречал в доме ее отца. Скальде с горечью вспоминал о девушке, легко оправившейся после падения с башни, стойко пережившей попытку насилия, с высоко поднятой головой отражавшей нападки совета магов.

— Может, причина в душевной травме ее лучезарности? Она так сильно подавлена, — возвысил голос, чтобы его услышали, молодой целитель из окраинного княжества.

— Подавленность никак не влияет на наличие либо же отсутствие силы в ари, — весомо возразил другой, уже в летах, маг.

Ему растерянно вторил придворный врачеватель, эррол Хордис:

— Возможно, мы допустили ошибку. Нужно еще раз обследовать ее лучезарность.

— С тобой я уже ничему не удивлюсь, — покосился на лекаря, понуро опустившего голову, наследник.

После того памятного утра обнаруженная придворным целителем рукопись рассыпалась пеплом. Скальде чувствовал, покушение на жизнь Фьярры и попытка заставить его выбрать в жены эсселин Талврин как-то связаны. Возможно, связующим звеном был ненавистный кузен Игрэйт Хентебесир, сразу же после свадьбы скоропалительно покинувший Сумеречную империю.

Но сейчас Герхильда больше заботило другое.

Фьярра не радовалась их редким встречам, тушевалась в присутствии мужа и спешила прервать их общение, напоминая, что нельзя идти наперекор древнему обычаю. А ведь та Фьярра, которая сумела пробудить в нем чувства, любила нарушать традиции.

Он скучал по своей бунтарке. По тем странным словам, которые порой от нее слышал. По дерзким взглядам на жизненный уклад Адальфивы.

Но ему нравилось, что они, эти взгляды, у нее были.

С кьердом тоже творилось что-то странное. Он больше не ластился к своей хозяйке, не искал ее внимания. Казалось, для него Фьярра тоже стала чужой.

На поиски без вести пропавшей морканты, воспитательницы ее лучезарности, были отправлены лучшие ищейки империи. Колдунья исчезла внезапно, в то самое злополучное утро, и Скальде требовал от своих людей как можно скорее ее отыскать. Но Блодейна будто сквозь землю провалилась. Как в свое время туда же провалился Крейн.

В покоях морканты не обнаружили ничего, кроме сундуков с нарядами да шкатулок с украшениями. Лишь одна вещь привлекла внимание тальдена — старинный манускрипт, полный древних, давно позабытых магиче-

ских таинств. И среди них одно, особенно заинтересовавшее ледяного мага...

И вот теперь выясняется, что его ари — пустышка, отчего подозрения, точившие сердце наследника, еще больше усилились.

Не обращая внимания на робкие просьбы сердобольных целителей сначала успокоиться, а потом уже говорить с будущей правительницей, Скальде толкнул резные створки, остервенело ударив по ним ладонями. Служанки, помогавшие госпоже одеться к завтраку, вспугнутыми пташками разлетелись по углам спальни. А сама Фьярра съежилась в кресле, прижала к груди колени и уткнулась в них лицом, не решаясь поднять на мужа потухший взгляд.

Кьерд апатично лежал рядом, уместив морду на скрещенных лапах. Никак не отреагировал на появление тальдена, не встал на защиту любимой хозяйки, когда Ледяной, в несколько шагов преодолев разделявшее их расстояние, грубо дернул ее за подбородок, заставляя поднять голову.

Ему нужно было видеть ее глаза, в которых снова стояли слезы. Видеть эти глаза в момент, когда давящую тишину спальни нарушит вопрос, что вот уже столько времени не давал Скальде Герхильду покоя:

— Где. Моя. Жена?!

* * *

— Аня, солнышко, давай уедем отсюда, пока не поздно. Ты уже столько денег на это жулье угрохала. Я уже молчу про время! — расстроено всплеснула руками мама и проводила отъезжающий от остановки автобус тоскливым взглядом.

Дореволюционная колымага, на которую пришлось пересест в соседнем городке, чтобы попасть в эту глу-

хомань, обдала нас залпом вонючего дыма и медленно укатила в пасмурный ноябрьский полдень. А мама тем временем, демонстративно откашливаясь, перешла на некое подобие тротуара. Ну или того, что от него осталось. Угодила шпилькой в выбоину в асфальте, культурно выругалась, после чего вздохнула безнадежно, наконец-то поняв, что до вечера нам отсюда теперь уже точно не выбераться.

Автобусы в село с символическим названием Ведьмовское (надеюсь, что и правда Ведьмовское, а не Шарлатанское) навевались нечасто. Мы приехали утренним рейсом с пересадкой, вечером собирались вернуться в Москву.

Вернее, собиралась я, смотаться по-быстрому туда и обратно, но мама в последний момент напросилась в попутчицы и всю дорогу истребляла мои и без того немногочисленные нервные клетки. То сокрушалась по поводу нашего с Воронцовым грядущего развода, то ворчала, что ей не по душе идея фикс единственной и такой упертой дочери, которая (я то бишь) вознамерилась во что бы то ни стало разобраться с проклятием Королевых.

— Лучше бы потратила свободное время на поиски работы, раз уж вы с Лешей решили разбежаться, — завела по новой свою шарманку. — Как выпустилась, так только на пару собеседований и сходила. Три месяца после свадьбы дурью маешься. И вот, теперь еще и развестись собралась.

Вообще-то дурью маялась Фьярра, а я делом занимаюсь. И, как обычно (даже здесь, на Земле), отдуваюсь за, мать ее, лучезарность. Фьярра всячески избегала встречаться с моими близкими. За что они на меня разобиделись, и вот только сейчас, спустя почти месяц после моего возвращения из Адальфивы, мы наконец помирились. Потому и взяла с собой маму. Чтобы опять не дулась на меня как мышь на крупу.

— Аня, может, все-таки передумаешь? — идя по безлюдной улочке, мимо развалюх, которые язык не поворачивался назвать домами (да и на гордое звание сараев они тоже не тянули), продолжала донимать родительница. — Лешик ведь против развода. Он так мне вчера и сказал. А ты чего упираешься рогом? Что такого могло случиться, что ты даже видеть его не хочешь?

Случилась Фьярра.

Ну и моя любовь к Скальде.

— Ма-а-ам, ради бога, прекрати, — теряя терпение, простонала я. — Ну сколько можно одно и то же? Мы с Воронцовым уже все обсудили, решили и постановили.

— Решила ты, Аня! И, пожалуйста, называй мужа по имени. Он тебе пока еще все-таки муж!

Ну, это, к счастью, дело поправимое и явление временное.

Закусила губу, чтобы вслух не ляпнуть лишнего, и принялась с горем пополам соскребать остатки выдержки. Мне нервничать никак нельзя, иначе маман обзаведется симпатичным кляпом изо льда. Ей психологическая травма будет обеспечена, а меня совесть замучает.

Глубоко вдохнула, на миг прикрывая глаза, и с благодушной улыбкой предложила родительнице ускориться.

Провинциальный пейзаж не радовал. Накрапывал мелкий дождь, а собравшиеся в сизые комья тучи недвусмысленно намекали, что в любой момент эта морось может обрушиться на нас ливнем. За кособокими домами густой пеленой вырастали сосны, разбавляя унылую панораму какими-никакими красками природы. Изрезанная колеями дорога чавкала грязью. Мама шла медленно, осторожно, будто ступала по минному полю. Сама виновата — нечего было надевать новенькие замшевые сапожки в такую погоду.

Сколько забытых богом деревушек, подобных этой, я объездила — не сосчитать. И все как одна: с одинако-

выми утлыми домишками и покосившимися деревянными заборами. К столичным ведьмам, шептуньям, колдунам тоже не раз навевалась. Без толку. Пока что мне фантастически везло на мошенников, но стоически не везло на настоящих магов.

А может, на Земле такие вообще не водятся. И только я уникум — все пытаюсь ужиться с ледяной силой, которой боюсь до чертиков. Потому как эта строптивница никак не желает быть покладистой и подчиняться своей хозяйке.

Дом бабки Казимиры располагался на отшибе. Сразу за ним начиналась сосновая роща, шумевшая загадочно и тревожно.

— Пришли, — объявила я, сверившись с неким подобием карты, которую набросала знакомая моей подруги Дашки.

Ожидала увидеть избушку на курьих ножках, вроде тех, что ютились возле останки. Но этот домик неожиданно порадовал белеными стенами, новенькой черепицей и крашенными под цвет сосен ставнями. Такой же, сине-зеленой, была и калитка, оказавшаяся незапертой. Однако зайти во двор я не решилась. Мало ли, какой пес здесь в охранниках.

Потому громко представилась:

— Здравствуйте! Меня зовут Аня. Казимира... извините, не знаю вашего отчества. Мне посоветовала к вам обратиться Ильина Евгения Петровна.

Дверь, к которой вело деревянное резное крыльцо, распахнулась, и к нам бойко засемила приятной наружности старушка. Этаким божий одуванчик в светло-сером платье и цветастом платке. Казимира совсем не походила на остальных представительниц псевдоколдовской братии. Те «ведьмы», с которыми я уже успела пообщаться, предпочитали окружать себя соответствующим антуражем: магическими шарами, отпо-

лированными черепами, щедро обвешивали себя всякой дребеденью вроде оберегов и амулетов.

— Еще одна мошенница, — проворчала мама, сверля Казимиру недобрый взглядом. — Ну разве ведьмы так одеваются? Даже не пытается слиться с образом.

— Такое ощущение, что это только на мне проклятие, а ты с ним кайф всю жизнь ловишь.

На свет божий я появилась, когда маме едва исполнилось девятнадцать. Я стала для нее прощальным подарком от первого мужа, положившего начало целой плеяде его последователей. Прощальным, потому что, узнав о ребенке, папа-студент резко перехотел становиться главой семейства и самодепортировался. Остальные мамини союзы тоже длились недолго.

Мне такой судьбы, спасибо, не надо. Да и мама у меня еще хоть куда. Могла бы выйти замуж, в последний раз, и зажить счастливо.

Если б не эта чертова ведьмовская кара.

— Милая, думаешь, я в свое время не обращалась к точно таким же всезнайкам с якобы каким-то там даром? — грустно вздохнула родительница. — И что это дало? Как видишь, я по-прежнему проклятая и одинокая.

Попросив ее сдерживать эмоции, ответила на приветливую улыбку пожилой женщины такой же искренней улыбкой.

— Доброе утро, Анечка. Мария, вы очень вовремя. Проходите, проходите, я как раз чайку заварила. Небось в автобусе намерзлись, пташки вы мои ранние.

Из прихожей, в которой нам было велено оставить зонты и верхнюю одежду, мы прошли в комнату, заставленную старой, но добротной мебелью. Особенно меня заинтересовал большой круглый стол, на котором вместо карт Таро, черных свечей и всяких там лягушечьих лапок красовались, дразня обоняние, сахарные плюшки и пирожки.

— Будете гадать на чайной гуще? — усмехнулась мама, пододвигая к себе чашку с изображенными на ней румяными пастушками и их кавалерами-пастухами.

Пришлось легонько пнуть маман под столом, чтобы перестала ерничать. Обиделась. Но хотя бы замолчала. Жаль, ненадолго.

— А чего ж гадать-то, если и так все ясно, — хмыкнула Казимира, наполняя фарфоровую тару ароматнейшим чаем. — Темное колдовство на вас. Старое. Вот и маетесь, бедняжечки. Ходите по жизни неприкаянными в надежде повстречать свое счастье. А оно все ускользает да ускользает. И в другой мир от этой напасти не сбежать, Аня, — покосилась на меня радушная хозяйка. — Пока тьма на вас, не будет нигде вам счастья.

— А от этой тьмы, — с придыханием начала мама, мгновенно позабыв о своем недоверии, — можно как-то избавиться?

— Можно, — кивнула ведьма и каким-то замогильным голосом продолжила: — Но цена у свободы от проклятия уж слишком высокая.

— Мы, конечно, живем небогато, — деловито подобралась мама, готовая торговаться до победного конца. Ну или до тех пор, пока у старушки не лопнет терпение и нас отсюда не выкинут замерзать на улице до самого вечера. — Но кое-какие сбережения у меня имеются. Скажите, сколько?

Я вдруг почувствовала себя восковой фигурой, немой и неподвижной. Сидела, не в силах выронить даже звука, и во все глаза смотрела на Казимиру. Это что еще был за намек про побег в другой мир? Неужели говорила про Адальфиву? Неужели и правда настоящая ведьма? Я бы ее тогда... Я бы...

От волнения кожу слегка пощипывало и в горле першило. Травяной чай оказался очень кстати: помог согреться и голосу прорезаться. А заодно и жегший хо-